

Но и тех вернее и крепчею обретеса . Священномученикомъ ли ты нареку ? Аще бо и не въгрузися в твоя перси оружие, ни пролься твоя от меча кровь, но изволением и верою по Христе положил еси душу»

Тирады, основанные на антитезе; своеобразие их в том, что риторическая «цезура» делит в них каждое чередующееся предложение на две противоположенные одна другой части, резко различные по интонационной окраске:

«Пред вчерашним днем господь наш Иисус Христос яко человек распинаем бе и яко бог и солнце помрачи и луну в кровь преложи...; яко человек вослив испусти дух, но яко бог землю потрясе...; яко человек в ребра прободен бысть, но яко бог завесу перваго закона полма раздра: ... яко человек во гробе положен бысть и яко бог олтаре язычкския църкве освяти».

Пышный — соответственно празднику — стилистический узор речей Кирилла порожден, впрочем, не столько риторическими фигурами (количество их ограничено), сколько различной комбинацией этих фигур даже в пределах одной и той же тирады.

В словах Кирилла Туровского все чередуется, и это сообщает им своеобразный внутренний ритм. В рамках слова чередуются тирады, в рамках тирады — предложения, в рамках предложения нередко — созвучные окончания (течяху — вопяху, потрясошася — ужасошася, пение — учение и пр.).

Это двойное и тройное чередование иногда принимало еще более усложненный вид, когда Кирилл отдельные тирады объединял в одну. Обычно делал он это следующим образом: сходные по теме тирады нанизывал на один и тот же стержень — на слово или словосочетание, неизменно повторяющееся в начале каждой тирады. Такая сверхтирада — одно из наиболее эффектных технических достижений ораторской прозы Кирилла; она напоминает собой большой вращающийся круг, внутри которого, вмонтированные один в другой, вращаются другие круги меньшего объема. Построение этого типа таит в себе, правда, одну опасность: вращение может стать бесконечным, так как предела ему в принципе нет; оно может закончиться, но достаточно толчка извне (перехода, допустим, от антитезы к анафоре), чтобы оно возобновилось снова. Кирилл хорошо понимал, чем это грозит. С целью избежать монотонии он принимал соответствующие меры: менял опорное слово чередования, варьировал стилистический рисунок той или иной тирады, временно нарочито приостанавливал вращение — цитатой из писания или риторическим восклицанием («Оле тайн откровение и пророческих писаний раздрешение!») и, наконец, прекращал его, когда это подсказывало ему чувство меры и времени.

В композиционном отношении слова Кирилла Туровского построены по четкой схеме. Каждое слово делится на три более или менее самостоятельные части: вступление, часть центральную — изложение, заключение. Объединенные единством стилистического строя слова в целом, они, однако, имеют и некоторые свои, только им присущие художественные особенности.

Вступление — часть речи, которой Кирилл Туровский придавал, и не без оснований, большое значение: текст хранит следы очень тщательной, заранее обдуманной работы. Кирилл, конечно, не мог не понимать, что успех речи в значительной мере зависит от того, как вступление будет построено. Здесь надо было сказать нечто такое, что, не предвосхищая содержания слова, тем не менее могло положить ему основание, притом ска-